

УДК 800
ББК 81
С-89

Сумина Наталья Владимировна, преподаватель кафедры русского языка Ростовского государственного строительного университета, e-mail: natalia.sumina@rambler.ru

**ТЕЛЕОНОМНЫЕ КОНЦЕПТЫ «СМЕРТЬ» И «СМЫСЛ ЖИЗНИ»
В ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале романа И. Ялома «Шопенгауэр как лекарство»)
(рецензирована)**

Статья посвящена описанию телеономных концептов в психотерапевтическом дискурсе. Подчёркивается особое осмысление психотерапевтическим дискурсом концепта «смерть» сквозь призму коннотаций концепта «смысл жизни». Сопоставляется функционирование концепта «смерть» в оригинальном тексте и в переводе на русский язык. Анализируются символические смыслы, выводимые из текста.

Ключевые слова: психотерапевтический дискурс, телеономные концепты, концепт «смерть», концепт «смысл жизни».

Sumina Natalia Vladimirovna, lecturer of the Department of Russian language, Rostov State University of Civil Engineering, e-mail: natalia.sumina @ rambler.ru

**TELEONOMIC CONCEPTS "DEATH" AND "MEANING OF LIFE"
IN PSYCHOTHERAPEUTIC DISCOURSE
(Based on the novel by I. Yalom "Schopenhauer as a medicine")
(reviewed)**

The article describes teleonomic concepts in psychotherapeutic discourse. Particular understanding of the concept "death" in the light of connotations of the concept of "meaning of life" by psychotherapeutic discourse has been emphasized. Functioning of the concept "death" in the original text and in the translation into Russian has been mapped. Symbolic meanings derived from the text have been analyzed.

Keywords: *psychotherapeutic discourse, teleonomic concepts, the concept of "death", the concept of "the meaning of life."*

Телеономные концепты определяются как «высшие духовные ценности, образующие и воплощающие для человека нравственный идеал, стремление к которому создаёт моральную оправданность его жизни» [1, с. 37]. На наш взгляд, в психотерапевтическом дискурсе в первую очередь концепт «смерть» получает особое осмысление, преобразуя и коннотации концепта «жизнь». Целью данной статьи является сопоставительный анализ языковых реалий концепта «смерть» в оригинальном тексте романа американского писателя И. Ялома «Шопенгауэр как лекарство» и его переводе.

Автор моделирует особое пространство психотерапевтического дискурса, описывая групповые терапевтические сессии доктора Джулиуса Хертцфельда.

Пусковым механизмом повествования является новое знание, полученное Джулиусом, – знание срока жизненного конца (он смертельно болен). «Смерть – вещь всегда только личная. Умираешь только ты сам, за тебя никто не умирает» [2, с. 196]. Джулиус учится умирать. Смерть является для него начальным толчком работы мысли, означает превращение далёкого в близкое. Смерть входит в саму жизнь. Джулиус теперь знает, что эти предельные противоположности связаны в том смысле, что в каждом мгновении жизни присутствует смерть. При этом слово «жизнь» изменяет свои коннотации: это не просто продолжение жизни, а её интенсивность, ощущение себя живым; обостренное переживание жизни в настоящем вместо откладывания ее до какой-либо точки будущего.

Джулиус пытается «приладить» новое знание к своей жизни, ведь человек окружён другими людьми и их реакциями на происходящие события. У членов группы нет переработанного и интегрированного опыта столкновения со смертью, поэтому они не знают, как реагировать на сообщение: «*No one spoke. Everyone stared at the floor* [5] – *Все молчали. Смотрели в пол* [4, с. 151]».

Рассказывая группе о своих чувствах, о переживаемом страхе смерти, панике и отчаянии, Джулиус прекрасно понимает, что группа может ему помочь (здесь и далее выделено жирным нами – Н.С.): «*... I am shaky today – your question's a lovely one, but I'm not sure I can answer it. I'll tell you all a big secret: there have been times I've entered this room feeling bad because of some personal issues and left feeling better just as a result of being a part of this terrific group. So maybe that's the answer to your question. The best thing for me is simply for all of you to use the group and not let my situation bring us to a total stop.*

After a short silence Tony said, «Tough assignment with what's gone down today».

«Right,» said Gill. «It'll feel awkward to talk about anything else» [5]. Ср. в переводе:

«*... Сегодня я не в своей тарелке. К сожалению, не знаю, как ответить на твой вопрос. Если хотите, открою вам большой секрет: я часто входил в эту комнату с самыми разными болячками и уходил, чувствуя себя гораздо лучше, просто потому что провёл полтора часа в вашей компании. Так что, может быть, это и есть ответ на твой вопрос: самое лучшее для меня – чтобы всё шло как обычно, чтобы мы не заикливались на моей проблеме.*

После некоторого молчания Тони сказал:

– Да, не так-то просто – после всего, что случилось.

– Вот именно, – поддержал его Гилл. – Не представляю, как можно теперь говорить как обычно [4, с. 162].

Перевод данного отрывка, на наш взгляд, опускает важный смысл оригинала: не только психотерапевт воздействует на личностные смыслы своих клиентов; для самого доктора общение с группой является не менее важным, имеет терапевтический эффект, проявляющийся как на физическом, так и на психологическом уровне. Джулиус входил в комнату *«feeling bad because of some personal issues (чувствуя себя плохо из-за некоторых личностных проблем – перевод наш – Н.С.)»*. Русский перевод *«входил с самыми разными болячками»* акцентирует физическое недомогание персонажа, в то время как английский оригинал *«feeling bad because of some personal issues»* предполагает не только сему *«физическое недомогание»*, но и *«плохое настроение из-за личностных проблем»*. Лексема *issue* в английских толковых словарях определяется как «1) an important subject that people are arguing about or discussing (важный вопрос, о котором спорят или который обсуждают); 2) if something is the issue, it is the thing you consider to be the most important part of a situation or discussion (если что-то определяют как *the issue*, это представляется самой важной частью ситуации или дискуссии) [6, 770]. Можно констатировать следующие эквиваленты английского *issue*: *вопрос, проблема, спор, ссора*, что в сочетании с прилагательным *personal (личный, личностный, персональный)* имплицитно предполагает затруднения в каких-либо межличностных взаимоотношениях.

Терапевтический эффект групповой сессии ощущают не только пациенты, но и сам психотерапевт: покидая свой кабинет, он чувствует себя лучше *«as a result of being a part of this terrific group (т.к. он был частью потрясающей группы – перевод наш – Н.С.)»*. Прилагательное *terrific (потрясающий, колоссальный)* имеет сильные положительные коннотации: *«If you describe something or someone as terrific, you are very pleased with them or very impressed by them (если вы описываете что-то или кого-то как *terrific*, это что-то или кто-то вам очень приятен или вы находитесь под впечатлением от них)» [6, с. 1495]. В русском тексте данные коннотации представлены в очень слабой степени: выражены наречием *просто* и словосочетанием *в вашей компании* (*«просто потому, что провёл полтора часа в вашей компании»*).*

Джулиус старается подтвердить факт своего существования (и тем самым уменьшить страх смерти) своей включенностью в жизнь других людей. Он не желает сосредоточиваться на себе, его внимание направлено на проблемы клиентов, поэтому он просит их работать как прежде и использовать интеллектуальный и эмоциональный потенциал группы, не позволяя, чтобы *«<...> situation bring us to a total stop (чтобы его ситуация привела к полной остановке – перевод наш – Н.С.)»*. Автор использует «опустошённое», не заполненное каким-либо конкретным содержанием существительное *situation* для описания того, что происходит с Джулиусом. Однако идея жизненного конца вводится сочетанием *bring us to a total stop (полная остановка)*.

Джулиусу необходимо пребывание в группе, т.к. именно группа позволяет ему переключаться с обычного режима мыслей на другую волну, тем самым являясь способом отвлечения от личных проблем. Ср. в переводе: *«чтобы мы не заикливались на моей проблеме»*. В русском тексте используется, как нам кажется, удачный глагол *заикливаться* с отрицательной частицей, поскольку его внутреннее значение сосредоточено на повторяемости действий в связи с возникшей серьёзной проблемой. Ср.: в современной разговорной речи существительное *проблема* используется в переносном значении *«о чем-нибудь трудно разрешимом, осуществимом» [3, с. 604]. Именно словосочетание *не заикливаться на проблеме* действует как лекарство на окружающих, да и на самого психотерапевта.*

Отношения Джулиуса и группы описываются автором как ценные, личностные, обогащающие взаимоотношения:

<...> attachments, and plenty of them, are the indispensable ingredients of a full life, and to avoid attachments because of anticipated suffering is a sure recipe for being only partially alive [5].

<...> привязанности – и многочисленные привязанности – есть необходимая часть нашей жизни, и избежать их из страха перед будущими страданиями значит жить вполсилы [4, с. 157].

Парадокс современной культуры таков, что смерть изгоняется из контекста жизни. «Смерть для нас всегда самое далёкое. Это что-то, что всегда не сейчас. Завтра. Или в какой-то неопределённый момент. Так же как роковая болезнь не с нами, а с кем-то другим. И то же самое смерть – это то, что случается с другими. Не со мной. Внешняя и бессмысленная случайность» [2, с. 165]. И. Ялом приближает точку смерти, помещает её внутри самой жизни.

Бытовые представления о смерти, поддерживаемые культурой, вытесняют тревогу, связанную с осознанием конца жизни. Страх смерти усугубляется экзистенциальным вакуумом – отсутствием цели и смысла жизни, т.к. проект жизни возникает только при принятии и осознании факта конечности существования. Именно поэтому Джулиус так страстно пытается быть эффективным целителем, предлагая свою помощь группе, и особенно Филиппу, одному из его бывших клиентов, который снова (не случайно) оказался в сложный период жизни психотерапевта рядом с ним. Преодолевая страх, отчаяние и ужас смерти, Джулиус даёт группе неопределимый опыт овладения этими же чувствами. Он обострённо переживает жизнь в настоящем, переставая откладывать её на потом. Он наполняет жизнь привязанностями и включённостью в неё других людей. Он осознаёт и реализует свой собственный проект

жизни.

Таким образом, нам представляется, что концепт «смерть» в психотерапевтическом дискурсе получает особое осмысление через активную реализацию жизненных дел и идей, приобретая положительные коннотации. Именно присутствие смерти в жизни наполняет последнюю экзистенциальным смыслом, что способствует личностному росту человека.

Литература:

1. Воркачѳв С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007. - 284 с.
2. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1998. 944 с.
4. Ялом И. Шопенгауэр как лекарство: психотерапевтические истории / пер. с англ. Л. Махалиной. М.: Эксмо, 2011. 544 с.
5. Irvin D. Yalom The Schopenhauer Cure. URL: <http://www.gribuser.ru/xml/fictionbook/>
6. Collings COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. HarperCollins Publishers, 2004. 1712 p.

References:

1. Vorkachev S.G. Love as lingvocultural concept. M.: Gnosis, 2007. 284 p.
2. Mamardashvili M.K. Aesthetics of thinking. M.: Moscow School of Political Studies, 2000.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and idiomatic expressions / Russian Academy of Sciences, Russian Language Institute named after V.V. Vinogradov. 4th ed., add. M.: Azbukovnik, 1998. 944 p.
4. Yalom I. Schopenhauer as a medicine: the history of psychotherapy / tr. from English by L. Makhalina. M.: Exmo, 2011. 544 p.
5. Irvin D. Yalom The Schopenhauer Cure. URL: <http://www.gribuser.ru/xml/fictionbook/>
6. Collings COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. HarperCollins Publishers, 2004. 1712 p.